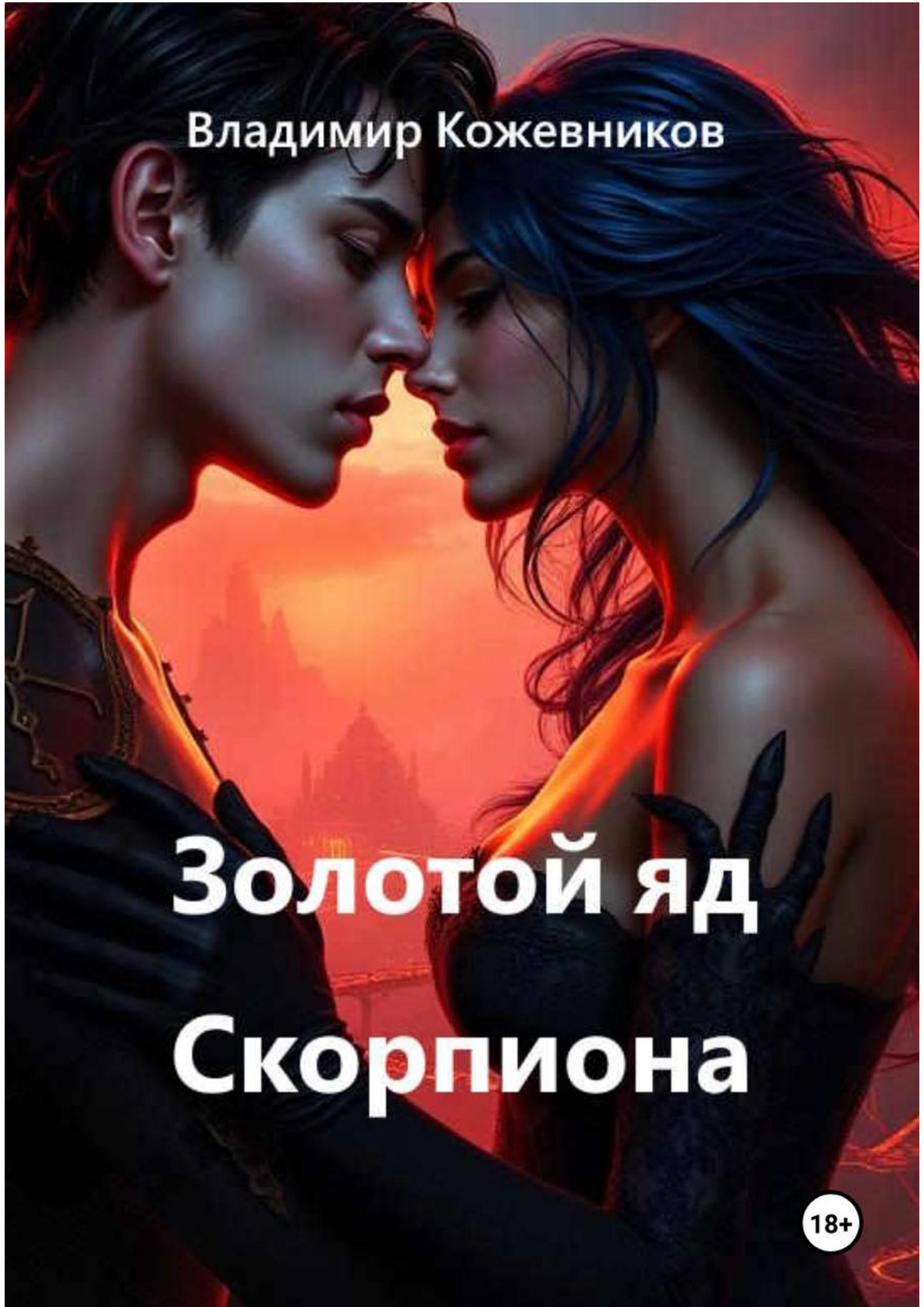

The background of the cover is a digital illustration. It depicts a man and a woman in a close, intimate pose, nearly kissing. The man, on the left, has dark hair and is wearing a dark, ornate garment with gold-colored details. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is wearing a dark, strapless dress. Both are wearing black gloves with sharp, claw-like fingers. The background is a fiery, orange-red landscape with silhouettes of ancient-looking buildings or temples. The overall mood is dramatic and sensual.

Владимир Кожевников

Золотой яд Скорпиона

18+

Владимир Кожевников
Золотой яд Скорпиона

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Золотой яд Скорпиона / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Город Обсидиан высечен в жерле потухшего вулкана, где правят четыре Дома фейри, каждый из которых владеет особым ядом. Последний принц Скорпионов, Кир, проклят: его поцелуй и любое семяизвержение несут мучительную смерть любой женщине. Дом Скорпионов угасает. Тогда Матриарх Аспидов предлагает сделку: её дочь Серафина, искусный мастер иллюзий, добровольно выйдет за Кира. Серафина уверена, что сможет обмануть проклятие, создавая иллюзорные миры, где их близость станет возможной — без прикосновений, но с невыносимой, наркотической силой. Их запретная связь перерастает в зависимость, однако Серафина преследует собственную цель: найти противоядие и уничтожить Дом Скорпионов. Пробуждение древнего божества, питающегося неистраченной сексуальной энергией фейри, заставляет героев сделать невозможный выбор: либо пожертвовать своей любовью ради спасения Города, либо обрести друг друга ценой гибели всего живого.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пленник короны	5
Глава 2. Змеиный бал	7
Глава 3. Тактильный голод	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Золотой яд Скорпиона

Глава 1. Пленник короны

Обсидиан выл. Этот звук рождался не в глотках — он поднимался из самого сердца горы, утробный гул, от которого дрожали черные базальтовые своды. Вулкан спал, но его дыхание пропитывало каждый вздох в этом городе. Кир въезжал через Врата Скорпиона девятым днем пути, и толпа, собравшаяся поглазеть, шарахнулась, едва он поднял забрало.

Его лицо было прекрасным и чудовищным одновременно. Черные волосы, бледная до голубизны кожа, алые губы — и золотые, с вертикальным зрачком, глаза, в которых плескалась бездна. Он не кричал «дорогу». Он прошептал это, и акустика Кратера разнесла шепот по всем ярусам. Толпа расступилась.

Дворец Скорпионов вырастал из центральной колонны Кратера — гигантский сталагмит, увенчанный шпильями, похожими на хвостовые сегменты. В Тронном Зале, освещенном пульсирующим фосфоресцирующим ядом, его ждала Матриарх Селина.

Она сидела на троне — сухая, величественная, с лицом-маской. Кир опустился на колено. Он знал этот ритуал до отвращения.

— Ты опоздал, — произнесла она, и в ее голосе, обычно сухом, Киру почудилась едва уловимая дрожь. Ее пальцы, унизанные кольцами с хитиновыми кабошонами, чуть заметно сжимали подлокотник.

— Мятаж в Восточных Копях. Пришлось вмешаться лично. Сорок семь трупов, все из Жаб.

Селина чуть склонила голову набок; взгляд ее уперся в пятно на его нагруднике — там, где чужая кровь прожгла хитин и оставила оплавленную выемку.

— Это был один из Квакш? Ты подпустил его слишком близко.

— Он был быстрее, чем я ожидал. Яд нейтрализовал его за четыре секунды.

— Четыре секунды, — повторила Селина. — Твой отец справлялся за две.

Кир промолчал. Сравнение с отцом было старым, заржавленным клинком, который мать проворачивала в его ране при каждой встрече.

— Встань. Дом Аспидов сделал предложение о брачном союзе. Их Матриарх Лилианна желает объединить Дома. Вулкан просыпается, Древние ворчат. Серафина, старшая дочь, согласна добровольно стать твоей женой.

Кир поднялся. Его лицо не дрогнуло. Только желваки заходили на скулах.

— Она знает, что ее ждет? Она знает про Мириам?

Имя, которое он не произносил десять лет. Его кузен, наследник до него, женился на девушке из Дома Медуз, верившей в противоядия. Она умерла в брачную ночь. Ее крик, говорят, был слышен даже в Нижних Пещерах. После этого Кир дал себе слово никогда не приближаться к женщинам.

— Она знает, — отрезала Селина. — Она — мастер иллюзий. Она считает, что, если физического контакта не будет, если все произойдет в ментальной проекции, яд может не активироваться. Это не гарантия. Это эксперимент. Но это единственный шанс.

Кир молчал. В ядовитом свете резервуаров его лицо казалось высеченным из обсидиана. Потом он коротко, страшно усмехнулся.

— Эксперимент. Мы настолько отчаялись, что готовы платить за галлюцинации.

Селина резко подалась вперед. Ее маска дала трещину. Кир увидел это — мелькнувшее в глубине ее холодных глаз выражение. Это была не злость. Это была мольба.

— Да. Мы отчаялись. Я отчаялась. Ты — мой единственный сын, Кир. Последний. Если ты не попробуешь... — она не закончила. Ее пальцы разжались, отпуская подлокотник. — Я не приказываю тебе. Я прошу.

Кир долго смотрел на нее. Потом развернулся и вышел, не ответив ни слова.

В своих покоях он запер дверь и встал перед зеркалом. Стащил перчатки. Поднес ладонь к лицу, разглядывая сетку вен под бледной кожей. Где-то там текло проклятие. Текла смерть. Он вспомнил утро после своего четырнадцатилетия — первое поллюцию во сне, когда он проснулся в дыму, а простыня под ним обуглилась и рассыпалась пеплом от одного прикосновения его семени. Вспомнил ужас в глазах слуги — тот самый ужас и отвращение, которые потом превратились в презрительное прозвище, шепотом передаваемое из кухни в кузницу: «Принц Прожженных Простыней».

Он смотрел в глаза своему отражению и видел там мальчика, который с четырнадцати лет знал: любой оргазм — это риск устроить пожар. Любой поцелуй — убийство. Любое прикосновение — ожог. Его собственная кровь и плоть были защищены особым ферментом, который Скорпионы веками вырабатывали в своих железах, — но все, что покидало его тело, становилось токсичным для любого другого живого существа.

«Серафина», — прошептал он.

Он видел ее однажды. Волосы цвета индиго, глаза, в которых плавал дым и менялись цвета. Она ни разу не взглянула на него, но он чувствовал ее каждой клеткой. Она изучала его — он знал это теперь точно. Изучала, как изучают редкий, опасный артефакт перед тем, как пустить в ход.

«Что ты задумала, змея? — подумал он. — И почему я, зная, что это ловушка, чувствую надежду — липкую, унижительную, детскую?»

Где-то глубоко в недрах вулкана что-то шевельнулось во сне, почуяв всплеск подавленного желания, и удовлетворенно затихло.

Глава 2. Змеиный бал

Приглашение доставили на рассвете. Конверт из живой змеиной кожи — чешуйки переливались изумрудным и сапфировым, медленно двигались, и когда Кир взял его в руки, конверт сам развернулся, превратившись в лист, на котором проступили светящиеся буквы. От него исходил тонкий, приторный аромат и едва слышное шипение.

«Принцу Киру... Бал Семи Завес... просим воздержаться от антидотов...»

— «Воздержаться от антидотов», — прочитал Кир вслух. — Они хотят, чтобы я был уязвим.

— Это стандартная практика, — отозвался Феран. — Если вы примете антидот, вы нанесете им смертельное оскорбление. — Секретарь помолчал, потом, криво усмехнувшись, добавил: — Я слышал о Серафине. Она — мастер седьмого уровня. Говорят, может заставить мужчину испытать оргазм, даже не прикасаясь к нему. Что ж, у каждого Дома свои таланты. У нас — яд, у них — порнография для мозга. Простите за прямоту, Принц.

— Ты, как всегда, изыщен в формулировках, Феран, — сухо ответил Кир.

Аспидное Гнездо высилось на противоположной стороне Кратера. Кир пересек Стекло́нный Мост под малиновым свечением магмы и вступил в здание с витражами, изображавшими змей-уроборосов. Над входом пульсировала фосфоресцирующая вывеска: «ДОМ АСПИДОВ — СЛАДОСТЬ В ЯДЕ, ЯД В СЛАДОСТИ».

В комнате Очищения ему поднесли чашу с опалесцирующей жидкостью.

— Это нейтрализует защитные ферменты Скорпионов на время бала, — объяснила стражница. — Иллюзии должны быть чистыми. Не бойтесь: Зелье действует только на тех, кто принял его добровольно. На насильно напоенном оно — просто сладкая вода. Таково свойство нашей магии. И разумеется, противоядие вам дадут перед уходом.

«Продумано до мелочей», — оценил Кир и выпил. Жар прокатился по телу. Защита ослабла. Мир стал ярче.

В Главном Зале его встретили Лилианна и Серафина.

Серафина была прекрасна — волосы индиго с живыми бабочками, дымчатые глаза, меняющие цвет, темно-фиолетовые губы в полуулыбке. Платье из полупрозрачного шелка, иллюзорно мерцающее. Она протянула ему руку в перчатке:

— Не бойтесь. Эта перчатка выдержит даже ваш яд.

(Кир заметил мимолетное мерцание на границе перчатки — иллюзия, наложенная поверх реальной защиты? Или вся перчатка — иллюзия? Он не знал. Но он взял ее руку.)

Они танцевали.

— Зачем вы это делаете? — спросил он. — Вы знаете, что любой физический контакт...

— Мне скучно, — перебила она. — Я — мастер седьмого уровня. Я могу заставить любого мужчину упасть на колени. Вы же — запертый сундук. И я хочу найти ключ.

— Ключ может убить вас.

— Я люблю играть со смертью. — В ее глазах промелькнул древний голод. — Но сегодня я играю по-другому. Смотрите.

Мир исчез.

Алое море. Черное небо. Серебристый свет. Запах соли и ее кожи. Она стояла рядом — обнаженная, реальная до мельчайших деталей: шрам под грудью, родинка на бедре, пульсирующая жилка на шее.

— Здесь мы можем все. Здесь нет яда.

И она шагнула к нему.

Кир чувствовал жар ее тела, как от расплавленного воска. Ее дыхание — прохладное, с привкусом горького миндаля и сладких лилий. Ее руки легли ему на грудь — электричество

вдоль позвоночника. Кожа — влажный бархат. Он не помнил, как исчезла его одежда. Ее тело прижалось к нему, и каждое соприкосновение было ударом, разрядом, волной желания, которая копилась двадцать восемь лет и теперь грозила смести все барьеры.

— Поцелуй меня, — прошептала она глазами скорпиона.

Он поцеловал.

Погружение в расплавленный свет. Ее губы — мягкие, горячие. Ее язык — прохладный, гладкий — коснулся его языка. Вкус — сладкий яд, мед с отравой. Его руки на ее спине, талии, бедрах. Ее грудь, расплющенная о его грудную клетку. Биение ее сердца — быстрое, живое. Она была живой. Он хотел ее. Все его существо кричало о близости, о слиянии, о...

— Достаточно.

Схлопнулась иллюзия.

Кир задыхался. Тело дрожало. Зал кружился. Серафина стояла перед ним, бледная, с испариной на лбу.

— Неплохо. У вас сильная воля.

— Это было...

— Это было ничто. Возвращайтесь к себе. Завтра начнем настоящую работу.

Он ушел.

А Серафина, в своих покоях, стояла перед зеркалом. Руки дрожали.

— Мама, — прошептала она. — Он сильнее, чем мы думали. Его разум почти пробил мою защиту.

В зеркале проявилось отражение Лилианны.

— Ты справишься. Ты найдешь противоядие. Влюби его в иллюзию так, чтобы он сам захотел отдать свою кровь — добровольно. А когда мы получим образец яда и синтезируем антидот, Скорпионы падут.

— А Кир?

Лилианна улыбнулась — мягко, почти нежно.

— Кир получит то, о чем мечтает каждый Скорпион. Покой.

Серафина молча смотрела в свои дымчатые глаза, полные сомнения, которого она сама от себя не ожидала.

Глава 3. Тактильный голод

Три дня Серафина не спала. Она сидела в лаборатории, среди реторт и фолиантов, и пыталась понять, что с ней произошло. Ее мать присылала гонцов с вопросами — «почему ты не форсируешь контакт?», «почему не берешь образец крови насильно?». Серафина отвечала уклончиво, ссылаясь на непредсказуемость яда.

Настоящая причина была в другом. Тот поцелуй — иллюзорный, который должен был стать демонстрацией силы, — обернулся против нее самой. Разум Кира открылся ей навстречу, и она, привыкшая манипулировать чужими сознаниями, вдруг оказалась внутри чужой боли — абсолютной, двадцативосьмилетней, нечеловеческой. И эта боль была зеркальным отражением ее собственной. Она тоже была пленницей — своего долга, своей роли, своего одиночества. Все ее связи были иллюзиями. Все ее любовники — подопытными. А этот мужчина, который даже не мог ни к кому прикоснуться, осмелился довериться ей. Открылся. Поцеловал в ответ — не как жертва, а как равный.

Это сломало в ней что-то. Или включило.

На четвертый день она отправила ему письмо. Когда Кир вошел в ее покои, она рассказала ему о заговоре — потому что честность была единственным способом пробить стену. Ей нужен был союзник. Не жертва.

А потом они оказались на кровати.

— Правило первое, — сказала Серафина, доставая латексные перчатки. — Никакого контакта слизистых. Мы заклеиваем рты.

— Чтобы не сорваться?

— Да. Я хочу тебя поцеловать, Кир. Прямо сейчас. Сильно. И если мои губы не будут заклеены, я сделаю это — и умру. А я пока не хочу умирать.

Она заклеила рот ему — быстро, умело, как будто делала это сотню раз. Потом заклеила рот себе, и вот тут ее пальцы дрогнули. В ее глазах стояли слезы — ярости, желания, бессилия перед проклятием, которое делало даже поцелуй смертельным оружием.

Они разделись. Их тела были так невозможны близко.

Она легла на спину. Он лег рядом. Ее кожа пахла горькими цветами. Его кожа была бледной, почти светящейся в полумраке. Они надели перчатки. Их пальцы встретились — латекс к латексу. Не кожа к коже. Но все же — встреча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.